

Карл Густав
ЮНГ

Аналитическая
психология

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Карл Юнг

Аналитическая психология

«Издательство АСТ»

1971, 2007

УДК 159.964
ББК 88.6

Юнг К. Г.

Аналитическая психология / К. Г. Юнг — «Издательство АСТ»,
1971, 2007 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-120372-6

В данный том полного собрания сочинений включены две работы Карла Густава Юнга: «О психологии бессознательного» и «Отношения между эго и бессознательным», в которых автор рассуждает о природе неврозов, о власти бессознательных страхов и желаний, выраженных прежде всего в сновидениях, размышляет о месте религии в человеческом сознании, о феномене коллективной психики и прослеживает сложные отношения человеческого эго и бессознательного, иллюстрируя их интереснейшими примерами из собственной практики. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 159.964

ББК 88.6

ISBN 978-5-17-120372-6

© Юнг К. Г., 1971, 2007
© Издательство АСТ, 1971, 2007

Содержание

I. О психологии бессознательного	6
Предисловие к первому изданию (1917)	6
Предисловие ко второму изданию (1918)	7
Предисловие к третьему изданию (1926)[4]	8
Предисловие к четвертому изданию (1936)	9
Предисловие к пятому изданию (1943)[7]	10
I. Психоанализ	11
II. Теория эроса	17
III. Другая точка зрения: воля к власти	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Карл Юнг

Аналитическая психология

C. G. Jung

Zwei Schriften Über Analytische Psychologie – Two Essays on Analytical Psychology
(Collected Works, Volume 7)

© Walter Verlag AG, Olten, 1971

© Foundation of the Works of C. G. Jung, Zurich, 2007

Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

I. О психологии бессознательного

Предисловие к первому изданию (1917)

Настоящий очерк¹ – результат моей попытки пересмотреть по просьбе издателя статью «*Neue Bahnen der Psychologie*»², опубликованную в 1912 году в ежегоднике *Rascher Yearbook*.

Данная работа представляет собой измененный и расширенный вариант прежнего очерка. В первоначальной его версии я ограничился рассмотрением одного основополагающего аспекта психологических взглядов, впервые озвученных Фрейдом. Однако многообразные и важные изменения, произошедшие в психологии бессознательного за последние годы, заставили меня существенно расширить рамки моей статьи. С одной стороны, я сократил материал о Фрейде, с другой – уделил особое внимание психологии Адлера и, насколько это было возможно в пределах настоящего очерка, дал общий обзор собственных воззрений.

Полагаю, мне следует заранее предупредить читателя о том, что настоящее исследование, в силу особой сложности его предмета, потребует значительного терпения и внимания. Также не рискну утверждать, что оно в каком-либо смысле является окончательным или достаточно убедительным. Этому требованию могут удовлетворить лишь всесторонние научные трактаты по каждой проблеме, затронутой в данном очерке. Читателю, желающему глубже вникнуть в обсуждаемые здесь вопросы, я бы рекомендовал обратиться к специальной литературе. Моя задача – дать краткий обзор современных взглядов на природу и психологию бессознательного. Я убежден, что проблема бессознательного настолько важна и актуальна, что, по моему мнению, было бы большим упущением, если бы этот вопрос, близко затрагивающий каждого из нас, исчез из поля зрения образованного читателя-непрофессионала, будучи вытеснен на страницы малоизвестного научного журнала, коему суждено вечно пылиться на библиотечных полках.

Психологические спутники нынешней войны – прежде всего невероятная брутализация общественного мнения, взаимная клевета, беспрецедентная жажда разрушения, чудовищные потоки лжи и неспособность остановить кровавого демона – не могут не привлечь внимания каждого мыслящего человека к проблеме хаотического бессознательного, дремлющего под упорядоченным миром сознания. Со всей безжалостностью эта война показала культурному человеку, что он по-прежнему варвар, и вместе с тем дала понять, какая жестокая кара уготована ему, если у него еще раз возникнет соблазн возложить ответственность за собственные дурные качества на ближнего. Психология индивида отражается в психологии нации. То, что делает нация, делает каждый отдельно взятый человек, и, пока он это делает, то же будет делать и нация. Только изменение установки индивида способно инициировать изменение психологии нации. Величайшие проблемы человечества всегда решались не с помощью общих законов, а через обновление установок конкретных людей. Если и было время, когда рефлексия была необходимой и единственно правильной, то это наша современная катастрофическая эпоха. И все же, всякий человек, размышляющий о себе, неизбежно наталкивается на границы бессознательного, которое содержит все то, что ему нужно знать в первую очередь.

К. Г. Юнг

Кюснахт, Цюрих

Декабрь 1916 г.

¹ *Die Psychologie der unbewussten Prozesse* (Цюрих, 1917).

² [Ср. ниже, абз. 407 и далее: «Новые пути в психологии».]

Предисловие ко второму изданию (1918)

Я искренне рад, что эта небольшая книга переиздается в столь короткий срок, несмотря на трудности, которые она, должно быть, вызвала у многих читателей. Второе издание не содержит никаких изменений, за исключением нескольких незначительных поправок и дополнений, хотя я всецело отдаю себе отчет, что последние главы, в силу чрезвычайной сложности и новизны изложенного в них материала, требуют гораздо более тщательного рассмотрения. К сожалению, подробное описание намеченных здесь фундаментальных принципов выходит далеко за рамки более или менее популярного изложения; посему я предпочел обратиться к этим вопросам в отдельной работе, над которой тружусь в настоящее время³.

Из многочисленных сообщений и писем, полученных мной после публикации первого издания, я сделал вывод, что интерес широкой публики к проблемам человеческой психики намного живее, чем можно было ожидать. Немалая доля этого интереса, вероятно, обусловлена глубоким потрясением, которое наше сознание пережило во время мировой войны. Заставив человека ощутить свое абсолютное бессилие, эта катастрофа вынудила его обратить взгляд вовнутрь, в самого себя. Когда все вокруг рушится, мы стремимся найти нечто, что даст надежную опору. Взоры многих по-прежнему устремлены вовне; одни верят в иллюзию победы и победоносную державу, другие – в пакты и законы, третьи – в ниспровержение существующего порядка. К несчастью, пока еще слишком мало тех, кто смотрит внутрь, в себя, и еще меньше тех, кто задается вопросом, не лучше ли было бы для общества, если бы каждый сперва постарался искоренить старый порядок в себе и сам начал практиковать те принципы и победы, о которых он проповедует на каждом углу, а не вечно ожидать этого от других. Каждый человек нуждается в революции, внутреннем разделении, ниспровержении существующего порядка и обновлении, но только не путем навязывания всего этого окружающим под личиной христианской любви, чувства социальной ответственности, а также любых других красивых эвфемизмов для обозначения бессознательного стремления к личной власти. Рефлексия, возврат индивида к основам человеческой природы, к своему собственному глубинному естеству с его индивидуальной и социальной судьбой – вот откуда берет начало исцеление от слепоты, царствующей в современном мире.

Интерес к проблеме человеческой психики – верный признак инстинктивного возврата к себе. Дабы удовлетворить этот интерес и была написана настоящая книга.

К. Г. Ю.

Кюснахт, Цюрих

Октябрь 1918 г.

³ См. «Психологические типы».

Предисловие к третьему изданию (1926)⁴

Эта книга была написана во время мировой войны и обязана своим существованием главным образом психологическим последствиям сего великого события. Теперь, когда война окончена, волны начинают стихать. Однако великие психологические проблемы, поднятые войной на поверхность, по-прежнему занимают разум и сердце каждого думающего и чувствующего человека. Вероятно, именно благодаря этому моя маленькая книга пережила послевоенный период и теперь выходит в третьем издании.

Ввиду того, что с момента первого издания прошло семь лет, я счел необходимым внести весьма существенные изменения и уточнения, особенно в главы, посвященные типам и бессознательному. Главу «Развитие типов в аналитическом процессе»⁵ я полностью опустил, ибо данный вопрос был подробно рассмотрен мной в работе «Психологические типы», к которой я и отсылаю заинтересованного читателя.

Любой, кто пытался популяризовать крайне сложный материал, до сих пор находящийся в стадии научной разработки, согласится со мной, что это нелегкая задача. Еще сложнее, когда многие из психологических процессов и проблем, которые я здесь обсуждаю, большинству людей совершенно неизвестны. Многое из того, что я говорю, может вызвать предубеждение или показаться субъективным; тем не менее читателю не следует забывать, что основная цель подобной книги – дать приблизительное представление о ее предмете и натолкнуть на размышление, но отнюдь не вдаваться во все детали. Я буду вполне удовлетворен, если моя книга выполнит эту задачу.

К. Г. Ю.

Кюснахт, Цюрих

Апрель 1925 г.

⁴ [Цюрих, 1926; название изменено на: *Das Unbewusste im normalen und kranken Seelenleben.*]

⁵ [*Collected Papers on Analytical Psychology* (2-е изд.), с. 437–441.]

Предисловие к четвертому изданию (1936)

За исключением нескольких поправок, четвертое издание не содержит никаких значительных изменений. Многочисленные отклики со стороны широкой публики дали мне понять, что идея коллективного бессознательного, которой я посвятил одну из глав, вызвала особый интерес. Посему я не могу не обратить внимания моих читателей на последние выпуски журнала *Eranos-Jahrbuch*⁶, которые содержат важные статьи на эту тему. В настоящей работе я не ставлю перед собой задачу дать исчерпывающий обзор всего спектра аналитической психологии; как следствие, многие вопросы упоминаются лишь вскользь или не упоминаются вообще. Тем не менее я надеюсь, что она продолжит выполнять свое скромное предназначение.

К. Г. Ю.

Кюснахт, Цюрих

Апрель 1936 г.

⁶ [Английские переводы нескольких статей из первых трех выпусков *Eranos-Jahrbuch* (1933–35) см.: *Spiritual Disciplines* (Papers from the Eranos Yearbooks, 4). В этих же выпусках впервые были опубликованы такие работы Юнга, как «Об эмпирике процесса индивидуации», «Архетипы коллективного бессознательного», «*Dream Symbols of the Individuation Process*».]

Предисловие к пятому изданию (1943)⁷

С момента выхода последнего, неизмененного издания прошло шесть лет; посему мне показалось целесообразным подвергнуть нынешнее новое издание книги тщательному пересмотру. Недостатки были устранены или исправлены, лишний материал удален. Такой сложный и запутанный вопрос, как психология бессознательного, порождает не только много новых открытий, но и ошибок. Перед нами лежат бескрайние просторы девственной территории, в которую мы тщимся проникнуть с помощью эксперимента; однако лишь пройдя долгий окольный путь, мы выйдем на прямую дорогу. Хотя я попытался изложить в своем тексте как можно больше новых взглядов, моему читателю не следует ожидать сколько-нибудь исчерпывающего обзора основ современного психологического знания в данной области.

В этом популярном очерке я описываю лишь некоторые из важнейших аспектов медицинской психологии, а также моих собственных изысканий, но все это не более чем введение. Фундаментальное знание не может быть приобретено иначе, как через изучение специальной литературы, с одной стороны, и практический опыт – с другой. В частности, тем читателям, которые стремятся глубже вникнуть в эти вопросы, я бы рекомендовал не только обратиться к основополагающим трудам по медицинской психологии и психопатологии, но и уделить самое пристальное внимание учебникам по психологии. Таков, на мой взгляд, наилучший способ обрести необходимые знания о месте и значимости медицинской психологии.

На основании результатов такого сравнительного исследования читатель сможет судить, насколько обоснованы не только жалобы Фрейда на «непопулярность» его психоанализа, но и мое собственное ощущение, что я занимаю отдаленный аванпост. За несколькими яркими исключениями, полагаю, не будет преувеличением сказать, что взгляды современной медицинской психологии пока недостаточно глубоко проникли в цитадели академической науки. Новым идеям (за исключением явно неудачных) обычно требуется по меньшей мере поколение, дабы пустить корни. Нововведения в психологии, вероятно, приживаются гораздо дольше, ибо в данной области, как ни в какой другой, практически каждый мнит себя авторитетом.

К. Г. Ю.

Кюснахт, Цюрих

Апрель 1942 г.

⁷ [Цюрих, 1943; название изменено на: *Über die Psychologie des Unbewussten.*]

I. Психоанализ

1 Если врач – прежде всего, «специалист по нервным заболеваниям» – хочет помочь своему пациенту, он должен обладать соответствующими психологическими познаниями, ибо нервные расстройства, а также все то, что подразумевают под терминами «нервность», истерия и т. д., имеют психическое происхождение и, следовательно, требуют психотерапевтического лечения. Холодная вода, свет, воздух, электричество и тому подобное в лучшем случае производят временный эффект, а иногда и вовсе оказываются бесполезными. У такого пациента болен разум, нарушены высшие и самые сложные его функции, которые едва ли можно отнести к сфере медицины. Соответственно, доктор должен быть не только медиком, но и психологом, а это значит, что он обязан знать и понимать устройство человеческой психики.

2 В прошлом, т. е. лет пятьдесят назад, психологическая подготовка врача никуда не годилась. Авторы учебников по психиатрии довольствовались клиническими описаниями и систематизацией психических расстройств, а психология, преподаваемая в университетах, сводилась либо к философии, либо к так называемой «экспериментальной психологии», учрежденной Вундтом⁸. Первые шаги к психотерапии неврозов были предприняты школой Шарко, в больнице Сальпетриер в Париже; Пьер Жане⁹ начал свои эпохальные исследования психологии невротических состояний, а Бернгейм¹⁰ в Нанси весьма успешно возродил старую и давно забытую идею Льебо¹¹ о лечении неврозов с помощью внушения. Зигмунд Фрейд не только перевел книгу Бернгейма, но и почерпнул из нее определенное вдохновение. В то время психологии неврозов и психозов еще не существовало. Фундамент этой науки – заслуга исключительно Фрейда. В основе его учения лежал практический опыт лечения неврозов с помощью метода, который он назвал *психоанализом*.

3 Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению нашего предмета, необходимо кое-что сказать о его связи с наукой того времени. Здесь мы еще раз убеждаемся в истинности замечания Анатоля Франса: «*Les savants ne sont pas curieux*»¹². Первая серьезная работа¹³ в этой области вызвала лишь слабый отклик, хотя и содержала в себе совершенно новую концепцию неврозов. Некоторые авторы высказывались о ней с одобрением, однако затем, на следующей же странице, продолжали толковать случаи истерии по-старому, подобно человеку, который во всеуслышание превозносит идею, что Земля – это сфера, но спокойно продолжает рисовать ее плоской. Следующие публикации Фрейда остались вовсе незамеченными, хотя в них и излагались наблюдения, имевшие бесценное значение для психиатрии. Когда в 1900 году Фрейд опубликовал первый значимый труд по психологии сновидений¹⁴ (до этого в данной области царил непроглядный мрак), это вызвало смех, а когда в 1905 году он пролил первый луч света на психологию сексуальности¹⁵, смех сменился открытыми оскорблениями, нередко самого отвратительного толка. Подобный взрыв негодования, безусловно, сыграл не последнюю роль в широкой огласке теорий Фрейда; отчасти именно из-за него они обрели ту дурную славу, которая вышла далеко за пределы научных интересов.

4 Соответственно, мы должны более пристально взглянуть на эту новую психологию. Уже во времена Шарко было известно, что невротический симптом носит «психогенный» харак-

⁸ *Principles of Physiological Psychology* (ориг. 1893).

⁹ «Психологический автоматизм»; *Névroses et idées fixes* (1898).

¹⁰ *De la suggestion et de ses applications à la thérapeutique* (1886); переведено Фрейдом как: *Die Suggestion und ihre Heilwirkung*.

¹¹ Liébeault, *Du sommeil et des états analogues considérés au point de vue de l'action du moral sur le physique* (1866).

¹² [Букв. «ученые не любопытны» (*фр.*).]

¹³ Breuer & Freud, *Studies on Hysteria* (ориг. 1895).

¹⁴ «Толкование сновидений».

¹⁵ «Три очерка по теории сексуальности».

тер, т. е. берет начало в психике. Благодаря работам школы Нанси также было известно, что все истерические симптомы можно вызвать внушением. Равным образом, благодаря исследованиям Жане, кое-что было известно и о психологических механизмах, которые лежат в основе таких истерических явлений, как анестезия, парез, паралич и амнезия. Однако врачи ничего не знали о том, *как именно* истерический симптом возникает в психике; иными словами, психические каузальные связи были совершенно не изучены. В начале 80-х годов д-р Брейер, старый венский врач, сделал открытие, ставшее отправной точкой для новой психологии. Одна его пациентка – молодая, очень умная женщина, страдавшая истерией – выказывала следующие симптомы: спастический (ригидный) паралич правой руки, а также периодические приступы рассеянности или сумеречных состояний сознания. Кроме того, она утратила способность к речи настолько, что больше не могла изъясняться на родном языке, и выражала свои мысли только на английском (систематическая афазия). В то время эти расстройства пытались объяснить с помощью анатомических теорий, хотя корковый центр, обеспечивающий функцию руки, у таких больных работал не хуже, чем у любого нормального человека. Симптоматология истерии полна анатомических чудес. Одна дама, полностью утратившая слух как следствие истерии, часто пела. Однажды ее врач сел за фортепиано и начал ей тихо аккомпанировать. Переходя от одного куплета к следующему, он внезапно изменил тональность; то же сделала и пациентка. Следовательно, она слышала – и не слышала. Аналогичные явления характерны и для различных форм систематической слепоты: так, мужчина, страдавший от истерической слепоты, вновь обрел способность видеть в процессе лечения. Впрочем, вначале зрение вернулось к нему лишь частично и оставалось таковым довольно длительный период. Он видел все, за исключением человеческих голов. Всех окружающих людей он видел без голов. Следовательно, он видел – и не видел. На основании множества наблюдений был сделан вывод, что не видит и не слышит только сознательный разум больного, тогда как в остальном сенсорная функция находится в рабочем состоянии. Разумеется, это прямо противоречит самой природе органического расстройства, которое всегда подразумевает нарушение функции как таковой.

5 Но вернемся к пациентке Брейера. Поскольку органические причины отсутствовали, данное расстройство следовало рассматривать как истерическое, т. е. психогенное. Брейер заметил, что если во время сумеречных состояний (спонтанных или вызванных искусственно) пациентка озвучивала наводнявшие ее разум воспоминания и фантазии, ее состояние улучшалось на несколько часов. Это открытие он систематически использовал при дальнейшем лечении. Пациентка называла это «разговорной терапией» или в шутку – «чисткой дымохода».

6 Женщина заболела, когда ухаживала за умирающим отцом. Естественно, ее фантазии главным образом были связаны с этими тяжелыми днями. В сумеречных состояниях воспоминания о том периоде поднимались на поверхность с фотографической точностью. Едва ли можно полагать, что бодрствующая память способна на такое пластичное и точное воспроизведение – слишком уж яркими и живыми были эти реминисценции. (Подобное обострение памяти, часто встречающееся в состояниях сужения сознания, получило название гипермнезии.) И здесь обнаружили удивительные вещи. Одна из множества историй, которые рассказала Брейеру эта женщина, заключалась в следующем:

Однажды ночью она сидела рядом с больным, у которого был сильный жар, в тревоге и напряженном ожидании: из Вены должен был приехать хирург, чтобы сделать операцию. Мать ненадолго вышла из комнаты, и Анна (пациентка) сидела у постели больного, положив правую руку на спинку стула. Она стала грезить наяву и увидела, как к больному ползет черная змея, которая, судя по всему, появилась из стены и хотела ужалить его. (Весьма вероятно, что на лугу позади дома действительно водились змеи, которых в детстве она очень боялась и которые теперь дали материал для галлюцинаций.) Она хотела отогнать это существо, но почувствовала, что парализована; ее правая рука, свисавшая со спинки стула, «уснула»: она онемела и не двигалась. Когда женщина посмотрела на нее, пальцы превратились в маленьких змей с

черепами вместо голов. Вероятно, она пыталась прогнать змею парализованной правой рукой, из-за чего онемение и паралич руки стали ассоциироваться с галлюцинацией змеи. Когда змея исчезла, она была так напугана, что захотела помолиться, но язык не слушался ее; она не могла произнести ни слова до тех пор, пока наконец не вспомнила один английский стишок, после чего смогла продолжать думать и молиться на английском¹⁶.

7 Таковы были обстоятельства, в которых возникли паралич и нарушение речи; рассказ о них позволит устранить само нарушение. В этом смысле можно считать, что данный случай закончился полным излечением.

8 Я вынужден ограничиться лишь одним этим примером. В упомянутой мной книге Брейера и Фрейда приведено множество подобных случаев. Понятно, что ситуации такого рода производят сильное впечатление, а потому люди склонны придавать им особое каузальное значение в генезисе симптома. Общепринятые в то время взгляды на истерию – возникшие из английской теории «нервного шока» и энергично поддерживаемые Шарко, – вполне могли объяснить открытие Брейера. Отсюда родилась так называемая теория травмы, согласно которой истерический симптом и, поскольку совокупность симптомов и составляет болезнь, истерия в целом проистекают из психических травм, следы которых бессознательно сохраняются годами. Фрейд, сотрудничавший с Брейером, нашел этому открытию многочисленные подтверждения. Оказалось, что ни один из сотен истерических симптомов не возникает случайно – они всегда вызваны некими психическими событиями. Новая концепция открыла широкие перспективы для эмпирической работы. Однако пытливый ум Фрейда не мог долго оставаться на этом поверхностном уровне, ибо уже стали вырисовываться более глубокие и сложные проблемы. Очевидно, что моменты крайней тревоги, подобные тем, которые пережила пациентка Брейера, могут оставлять невероятно сильное впечатление, которое сохраняется годами. Однако почему у нее вообще возникли подобные переживания, которые уже сами по себе свидетельствуют о патологии? Возможно, они были вызваны напряжением, связанным с уходом за больным? Если да, подобное должно случаться сплошь и рядом: к сожалению, необходимость изнуряющего ухода за больным не редкость, а нервное здоровье сиделки зачастую оставляет желать лучшего. На этот вопрос медицина дает превосходный ответ: «*X* в уравнении – это предрасположенность». Одни люди просто «предрасположены» к этому. Однако для Фрейда проблема заключалась в другом: что составляет предрасположенность? Данный вопрос логически ведет к исследованию предыстории психической травмы. Давно замечено, что волнующие сцены оказывают разное действие на разных людей и что вещи, которые одним людям безразличны или даже приятны, у других вызывают величайший ужас – например, лягушки, змеи, мыши, кошки и т. д. Так, некоторые женщины совершенно спокойно ассистируют при кровавых операциях, но дрожат от страха и отвращения при прикосновении кошки. В данной связи мне вспоминается одна молодая дама, у которой после сильного испуга развилась тяжелая форма истерии¹⁷. Она была в гостях и около полуночи возвращалась домой в сопровождении нескольких своих знакомых. Неожиданно сзади появился экипаж. Лошади шли крупной рысью. Ее друзья отступили в сторону; она же, словно зачарованная, осталась на середине дороги и в ужасе бежала перед лошадьми. Кучер щелкал кнутом и выкрикивал ругательства, но все было напрасно: она пробежала всю улицу и выскочила на мост. Там силы оставили ее; чтобы не оказаться под копытами лошадей, она в отчаянии прыгнула бы в реку, не помешай ей добрые прохожие. Эта же самая дама оказалась в Санкт-Петербурге, в кровавый день 22 января [1905 г.], на той самой улице, которую солдаты «очищали» залповым огнем. Вокруг нее падали убитые и раненые; она же, сохраняя удивительное спокойствие и здравомыслие, заметила ведущие во двор ворота

¹⁶ [Ср. Breuer & Freud, с. 38.]

¹⁷ [Другое изложение этого случая см. «The Theory of Psychoanalysis», абз. 218 и далее, 297 и далее, 355 и далее. – *Примеч. ред.*]

и перебежала на другую улицу. Эти страшные мгновения не вызвали у нее никакой ажитации. После она чувствовала себя хорошо – пожалуй, даже лучше, чем обычно.

9 Отсутствие реакции на явный шок наблюдается часто. Отсюда следует, что интенсивность травмы сама по себе имеет крайне малое патогенное значение, однако она должна иметь особое значение для больного. Иными словами, не шок как таковой оказывает патогенное влияние при любых обстоятельствах; чтобы возыметь эффект, он должен наложиться на особую психическую предрасположенность, которая может, при определенных условиях, состоять в том, что пациент бессознательно придает шоку особое значение. Здесь мы обнаруживаем возможный ключ к тайне «предрасположенности». Нам следует спросить себя: каковы особые обстоятельства в ситуации с экипажем? Пациентка испугалась, как только услышала цокот копыт; на мгновение ей показалось, что этот звук – предзнаменование страшной беды: ее гибели или чего-то не менее ужасного. В следующую секунду она уже не отдавала себе отчет, что делает.

10 Настоящий шок, очевидно, исходил от лошадей. Предрасположенность пациентки к тому, чтобы столь необъяснимым образомотреагировать на столь незначительный инцидент, таким образом, могла состоять в том, что лошади имели для нее какое-то особое значение. Можно предположить, например, что однажды она пережила некий связанный с лошадьми опасный эпизод. Так и было. Однажды, когда ей было около семи лет, она ехала в карете со своим кучером; лошади испугались и понеслись к высокому и крутому берегу реки. Кучер *спрыгнул* на землю и кричал ей, чтобы она сделала то же самое, но она была так напугана, что никак не могла решиться. К счастью, в последний момент она все же спрыгнула, после чего лошади рухнули в пропасть вместе с каретой. То, что подобное событие оставит глубокое впечатление, едва ли нуждается в доказательствах. Однако это не объясняет, почему впоследствии абсолютно безобидный намек на схожую ситуацию вызвал столь острую реакцию. Пока нам известно лишь то, что возникший симптом уходит своими корнями в детство, однако его патологический аспект по-прежнему остается неясен. Дабы проникнуть в эту тайну, нужны дополнительные знания. Накопленный опыт подсказывает нам, что во всех до сих пор проанализированных случаях помимо травматических переживаний присутствовал другой, особый класс нарушений, относящихся к любовной сфере. Общеизвестно, что любовь – понятие эластичное, простирающееся от небес до преисподней и объединяющее в себе добро и зло, высокое и низкое. Это открытие кардинально изменило взгляды Фрейда. Если раньше, находясь под влиянием теории Брейера о травмах, он искал причины неврозов в травматических переживаниях, то теперь центр тяжести сместился в иную плоскость. Наш случай иллюстрирует это лучше всего: нетрудно понять, почему лошади играли в жизни пациентки особую роль, но мы не понимаем более позднюю реакцию – столь преувеличенную и неуместную. Патологическая специфика этой истории заключается в том, что она испугалась вполне безобидных лошадей. Зная о том, что наряду с травматическим опытом часто имеет место и некое нарушение в сфере любви, возникает вопрос: нет ли чего-либо особенного в этой связи?

11 Дама знакома с одним молодым человеком, с которым думает обручиться; она любит его и надеется быть с ним счастливой. Поначалу больше ничего узнать не удастся. Однако отрицательные результаты предварительных расспросов не должны помешать нам продолжить исследование. Когда прямой путь не позволяет достичь цели, всегда найдутся окольные пути. Посему мы снова возвращаемся к тому моменту, когда женщина бежала перед лошадьми. Мы интересуемся ее спутниками и праздником, в котором она приняла участие. Это был прощальный ужин в честь ее лучшей подруги, которая, дабы поправить нервы, на долгое время уезжала на заграничный курорт. Эта подруга замужем и притом, как мы узнаем, счастлива; кроме того, у нее есть ребенок. Мы вправе усомниться в том, что подруга счастлива; будь оно действительно так, у нее, вероятно, не было бы причин «нервничать» и ехать на лечение. Зайдя с другой стороны, я выяснил, что друзья, догнав нашу пациентку, отвели ее обратно – в дом

мужа ее лучшей подруги, ибо в столь поздний час это было ближайшим местом, где она могла получить надлежащий уход. Там ее приняли весьма радушно. Здесь пациентка прервала свой рассказ, смутилась и, заерзав на своем месте, попыталась сменить тему. Очевидно, в ее памяти всплыло некое неприятное воспоминание. После того как в высшей степени упорное сопротивление больной удалось преодолеть, оказалось, что той же ночью произошло еще одно весьма примечательное событие. Гостеприимный хозяин страстно признался ей в любви, из-за чего возникла ситуация, которую, ввиду отсутствия хозяйки дома, можно было счесть неловкой и тягостной. Пациентка утверждала, что это признание в любви было для нее как гром среди ясного неба, однако подобные вещи обычно имеют долгую историю. Посему задача следующих нескольких недель состояла в том, чтобы шаг за шагом выяснить все подробности этой любовной истории. В итоге я получил полную картину, которую попытаюсь вкратце изложить следующим образом.

В детстве пациентка была настоящим сорванцом в юбке, любила только бурные мальчишеские игры, презирала свой собственный пол и не проявляла интереса к каким бы то ни было женским увлечениям и занятиям. С наступлением половой зрелости и приближением эротического конфликта она стала сторониться общества, ненавидела и презирала все, что хотя бы отдаленно напоминало ей о биологическом предназначении женщины, и жила в мире фантазий, не имевшем ничего общего с суровой реальностью. Так, примерно до 24 лет ей удавалось избегать всех тех милых авантур, надежд и ожиданий, которые обычно волнуют девичье сердце в этом возрасте. Но затем она познакомилась с двумя молодыми людьми, которым было суждено прорваться сквозь окружавшую ее колючую изгородь. Господин А. был мужем ее лучшей подруги; господин Б. был его холостым приятелем. Ей нравились оба. Тем не менее вскоре она пришла к выводу, что господин Б. ей нравится больше. Между ней и господином Б. быстро установились близкие отношения; вскоре друзья и близкие стали поговаривать о возможной помолвке. Благодаря тесному общению с господином Б. и подругой она часто контактировала и с господином А., чье присутствие заставляло ее волноваться и нервничать самым необъяснимым образом. Примерно в то же время пациентка оказалась на большом званом вечере. Присутствовали там и ее друзья. Она задумалась и играла своим кольцом, когда оно вдруг соскочило с ее пальца и укатилось под стол. Оба молодых человека бросились его искать. Найти кольцо посчастливилось господину Б. Он с лукавой улыбкой надел кольцо ей на палец и сказал: «Вы знаете, что это означает!» Ее охватило странное, непреодолимое чувство; она сорвала кольцо с пальца и выбросила в открытое окно. Последовал неловкий момент, и вскоре пациентка покинула праздник. Вскоре после этого так называемая судьба распорядилась так, что она приехала на тот же курорт, где отдыхали господин и госпожа А. Госпожа А. много нервничала и из-за плохого настроения часто оставалась дома. Пациентка гуляла вдвоем с господином А. Однажды они решили покататься в лодке. Пациентка так веселилась, что внезапно упала за борт. Плавать она не умела, и господину А. стоило больших трудов втащить ее, в полуморочном состоянии, обратно в лодку. А затем он ее поцеловал. После этого романтического эпизода связь между ними стала только крепче. Однако пациентка не пускала в сознание всю глубину своей страсти: она давно привыкла игнорировать такие вещи, а еще лучше – бежать от них. Дабы хоть как-то оправдать себя в собственных глазах, она с еще большим рвением стала стремиться к помолвке с господином Б. и каждый день твердила себе, что в действительности любит только его. Естественно, это не могло ускользнуть от проницательных глаз супружеской ревности. Госпожа А. догадалась о тайном увлечении своего мужа, в результате чего ее состояние заметно ухудшилось. Возникла необходимость поездки госпожи А. за границу на лечение. На прощальной вечеринке злой дух подкрался к нашей пациентке и прошептал ей на ухо: «Сегодня вечером он будет один. Что-то должно случиться, чтобы ты оказалась в его доме». Так и произошло: из-за своего странного поведения она вернулась в его дом и достигла своей цели.

12 После такого разъяснения, пожалуй, любой предположит, что лишь дьявольское вероломство могло измыслить подобную цепь обстоятельств и воплотить ее в жизнь. Вероломство не вызывает сомнений; сомнительна его моральная оценка, ибо я должен подчеркнуть, что мотивы, которые привели к этой драматической *dénouement*¹⁸, отнюдь не были сознательными. С точки зрения пациентки все случилось само собой. Тем не менее предшествующая история ясно указывает на то, что все было бессознательно направлено к этой цели, тогда как сознательный разум пытался добиться помолвки с господином Б. Бессознательное влечение оказалось сильнее.

13 Итак, мы снова возвращаемся к нашему первоначальному вопросу об этиологии патологического (т. е. особого или преувеличенного) характера реакции на травму. На основании вывода, сделанного из аналогичного опыта, мы предположили, что и в данном случае, помимо травмы, должно иметь место нарушение в эротической сфере. Это предположение полностью подтвердилось; мы убедились, что травма, мнимая причина болезни, есть не более чем толчок к манифестации того, что ранее не осознавалось, а именно важного эротического конфликта. Соответственно, травма теряет свое исключительное значение и уступает место более основательной и цельной концепции, рассматривающей эротический конфликт как главный патогенный агент.

14 Часто можно услышать вопрос: почему именно эротический конфликт должен быть причиной неврозов, а не какой-либо другой? На это мы можем дать следующий ответ: никто не утверждает, что так должно быть, однако часто бывает именно так. Несмотря на все возмущенные утверждения обратного, факт остается фактом: любовь¹⁹ с ее проблемами и конфликтами представляет огромную важность для человека и, как неизменно показывают тщательные исследования, имеет гораздо большее значение, чем это подозревает сам индивид.

15 Как следствие, от теории травмы отказались как от устаревшей; ибо с открытием того, что не травма, а скрытый эротический конфликт есть истинный корень невроза, травма полностью теряет свое каузальное значение²⁰.

¹⁸ [Букв. «кульминация, развязка» (*фр.*).]

¹⁹ Мы используем это слово в широком смысле, который включает не только сексуальность. Это не значит, что любовь и связанные с ней нарушения суть единственный источник невроза. Такие нарушения могут носить вторичный характер и быть обусловлены более глубинными причинами. Существуют и другие пути к неврозу.

²⁰ Исключение составляют истинные шоковые неврозы, например снарядный шок.

II. Теория эроса

16 В свете данного открытия вопрос травмы разрешился самым неожиданным образом; однако разгадав эту загадку, исследователь столкнулся с проблемой эротического конфликта, который, как показывает наш пример, содержит множество аномальных элементов и на первый взгляд не имеет ничего общего с обычным эротическим конфликтом. Самым поразительным и почти невероятным является то, что осознается лишь внешний предлог, тогда как подлинная страсть остается скрытой. В случае, упомянутом выше, несомненно, что истинное чувство было покрыто мраком, в то время как в поле сознания доминировала мнимая симпатия. Если взглянуть на эти факты с теоретической точки зрения, мы приходим к следующему выводу: при неврозе имеют место две тенденции, противоположные друг другу, одна из которых сознательна, а другая бессознательна. Данное положение умышленно сформулировано в общих терминах; этим я хочу подчеркнуть, что патогенный конфликт не только носит личный характер; это – общечеловеческий конфликт, проявляющийся в индивиде, ибо раслад с самим собой есть один из отличительных признаков цивилизованного человека. Невроз – лишь особый случай такого расщепления, а посему требует от больного прежде всего гармонизации природы и культуры внутри него самого.

17 Как известно, развитие культуры состоит в прогрессирующем обуздании животного в человеке. Это процесс одомашнивания, который не может протекать без восстания со стороны животной природы, жаждущей свободы. Время от времени на людей, слишком долго мирившихся с ограничениями их культуры, накатывают волны безумия. Античность пережила это в дионисийских оргиях, пришедших с Востока и ставших неотъемлемым и характерным элементом классической культуры. Дух этих оргий сыграл не последнюю роль в развитии стоического идеала аскетизма в многочисленных сектах и философских школах последнего дохристианского столетия, породившего из политеистического хаоса той эпохи две близкие друг другу аскетические религии – митраизм и христианство. Вторая волна дионисийской распущенности накрыла Запад в эпоху Ренессанса. Трудно оценивать дух своего времени; однако в числе революционных вопросов, возникших в последние полвека, был и «сексуальный вопрос», положивший начало абсолютно новому направлению в литературе. В этом «движении» коренятся и начала психоанализа, на теории которого оно оказало в высшей степени одностороннее влияние. В конце концов, никто не может быть полностью независим от течений своего времени. С тех пор «сексуальный вопрос» по большей части оттеснили на второй план политические и духовные проблемы. Это, однако, отнюдь не меняет того основополагающего факта, что инстинктивная природа человека всегда восстает против норм, навязанных цивилизацией. Названия меняются, но суть остается прежней. Кроме того, сегодня мы знаем, что не только животная природа пребывает в конфликте с культурными ограничениями; очень часто новые идеи, стремящиеся вырваться из бессознательного, оказываются в такой же дисгармонии с доминирующей культурой, как и инстинкты. Так, мы могли бы с легкостью выдвинуть политическую теорию невроза, ибо современного человека волнуют главным образом политические страсти. «Сексуальный вопрос» послужил им лишь незначительной прелюдией. Более того, вполне может статься, что политика не более чем предвестница гораздо более глубокого религиозного пароксизма. Сам того не осознавая, невротик участвует в господствующих течениях своей эпохи и отражает их в собственном конфликте.

18 Невроз тесно связан с проблемой нашего времени и в действительности представляет собой безуспешную попытку со стороны индивида разрешить общую проблему в своей собственной личности. Невроз – это саморасщепление. У большинства людей причина этого расщепления кроется в том, что сознательный разум желает придерживаться своего морального идеала, тогда как бессознательное стремится к своему – в современном смысле – амораль-

ному идеалу, который сознательный разум отвергает. Люди данного типа жаждут быть более уважаемыми, чем они есть на самом деле. Впрочем, конфликт может заключаться и в обратном: некоторые люди пользуются весьма дурной репутацией, однако с виду ничуть не тягостятся данным обстоятельством. В сущности, их безнравственность наиграна: они не менее нравственны, чем остальные, однако если у нравственного человека в бессознательное вытеснена его безнравственная природа, то у таких людей – ее моральная составляющая. (Таким образом, крайностей всеми силами следует избегать, ибо они всегда вызывают подозрение в противоположном.)

19 Эти общие рассуждения были необходимы, дабы прояснить идею «эротического конфликта». Далее мы можем перейти к рассмотрению техники психоанализа, а затем – вопроса терапии.

20 Очевидно, что самый главный вопрос, касающийся этой техники, состоит в следующем: каков наиболее быстрый и эффективный способ узнать, что происходит в бессознательном пациента? Первоначально использовался гипноз: либо расспросы в состоянии гипнотической концентрации, либо спонтанное генерирование фантазий пациентом, находящимся в этом состоянии. Данный метод применяется до сих пор, однако по сравнению с современной техникой он примитивен и часто неудовлетворителен. Второй метод был разработан в Психиатрической клинике в Цюрихе; это так называемый метод ассоциаций²¹. Последний четко показывает наличие конфликтов в форме «комплексов» чувственно-окрашенных идей, каковые проявляются через характерные нарушения в ходе эксперимента²². Тем не менее самым действенным методом, позволяющим добраться до патогенных конфликтов, является, как показал Фрейд, анализ сновидений.

21 Можно сказать, что сновидение есть «камень, пренебреженный вами, жидущими, но сделавшийся главою угла». Лишь в наше время сон, этот мимолетный и с виду незначительный продукт психики, столкнулся с глубочайшим презрением. Прежде в нем видели глашатая судьбы, знамение и утешение, вестника богов. Сегодня мы рассматриваем его как посланца бессознательного, задача которого – обнажить тайны, скрытые от сознательного разума. И с этой задачей он справляется на удивление хорошо. «Манифестное» сновидение, т. е. сновидение как мы его помним, есть, согласно теории Фрейда, лишь фасад, который не дает нам никакого представления о внутреннем наполнении, но, напротив, тщательно скрывает его с помощью «цензора сновидения». Если, однако, соблюдая определенные технические правила, побудить сновидца рассказать о деталях увиденного, станет очевидно, что его ассоциации обладают особой направленностью и группируются вокруг определенных тем. Последние имеют личное значение и несут смысл, о котором невозможно догадаться, но который, как показало тщательное сравнение, находится в прочной связи с фасадом. Этот особый комплекс идей, в котором соединяются все нити сновидения, и есть искомый конфликт, точнее некая его вариация, обусловленная обстоятельствами. Согласно Фрейду, болезненные и непримиримые элементы конфликта при этом настолько скрыты или стерты, что можно говорить об «исполнении желаний». Однако очевидные желания в сновидении осуществляются крайне редко, как, например, в так называемых «телесных» снах, когда сновидец испытывает чувство голода и видит во сне вкусные блюда. Аналогичным образом, настоятельная мысль о том, что нужно встать, конфликтующая с желанием остаться в постели, порождает сновидение о том, что человек уже встал, и т. д. По мнению Фрейда, существуют и бессознательные желания, природа которых несовместима с идеями бодрствующего разума, тягостные желания, которые человек предпочитает не признавать. Именно в таких желаниях Фрейд видит подлинных архитекторов сновидения. Например, дочь нежно любит свою мать, однако, к своему глубочайшему огорче-

²¹ Jung et al., *Studies in Word Association* [Coll. Works, т. 2.]

²² «Обзор теории комплексов».

нию, видит ее во сне мертвой. Фрейд утверждает, что дочь, сама того не подозревая, питает в высшей степени болезненное желание, чтобы ее мать как можно скорее исчезла из этого мира, ибо втайне противится ей. Даже у самой безупречной дочери могут возникнуть подобные настроения. Если обвинить ее в них напрямую, она, безусловно, станет их рьяно отрицать. По всем признакам манифестное сновидение не содержит следов осуществления желаний; скорее оно содержит следы опасений или тревоги, а значит прямую противоположность предполагаемого бессознательного импульса. Однако мы знаем, что *преувеличенная* тревога часто и небезосновательно вызывает подозрение в обратном. (Здесь критически настроенный читатель вправе задать вопрос: в каких случаях тревога в сновидении преувеличена?) Сновидений, в которых отсутствуют явные следы осуществления желаний, бесчисленное множество: конфликт, отраженный в сновидении, бессознателен, как бессознательна и попытка его разрешения. В нашем случае сновидица действительно стремится избавиться от своей матери; выражаясь языком бессознательного, она хочет, чтобы мать умерла. Однако обвинять ее в этом стремлении было бы некорректно, ибо, строго говоря, сновидение сфабриковала не она, а ее бессознательное. Именно бессознательное жаждет избавиться от матери, что, с точки зрения сновидицы, в высшей степени неожиданно. Сам факт, что ей могут присниться подобные вещи, доказывает, что она не думает об этом сознательно. Она понятия не имеет, почему нужно избавляться от матери. Ныне мы знаем, что определенный слой бессознательного содержит все то, что уже недоступно сознательному воспоминанию, включая и все те инфантильные инстинктивные побуждения, которые не могут найти выход во взрослой жизни. Можно сказать, что основная масса проистекающего из бессознательного поначалу носит инфантильный характер, как, например, данное желание, которое в действительности есть сама простота: «Когда мама умрет, ты же женишься на мне, да, папа?» Это выражение инфантильного желания представляет собой субститут более позднего желания выйти замуж – желания, которое по неизвестным пока причинам причиняет сновидице боль. Идея брака или, скорее, серьезность соответствующего импульса, как говорят, «вытесняется в бессознательное» и там находит инфантильное выражение, ибо материал, находящийся в распоряжении бессознательного, главным образом состоит из инфантильных реминисценций.

22 Упомянутое выше сновидение, судя по всему, связано с муками инфантильной ревности. Сновидица в некоторой степени влюблена в отца и по этой причине хочет избавиться от матери. Однако подлинный конфликт кроется в том, что она, с одной стороны, мечтает выйти замуж, а с другой – не может решиться на это, ибо ни одной женщине не дано знать заранее, как сложится семейная жизнь, будет ли жених хорошим супругом и т. д. Дома так хорошо, но что произойдет, когда придется расстаться с любимой мамочкой и стать взрослой и самостоятельной? Она не замечает, что вопрос брака вышел на первый план и настолько захватил ее, что она уже не может вернуться домой к отцу и матери, не принеся его в лоно семьи. Она больше не ребенок, каким была когда-то; она – женщина, которая мечтает выйти замуж. Но в семье муж – это отец, и, сама того не осознавая, она переносит свое желание иметь мужа на него. Но это же *инцест*! Как следствие, возникает вторичная инцестная интрига. Фрейд полагает, что склонность к инцесту первична и является реальной причиной того, почему сновидица не может решиться выйти замуж. В сравнении с этим прочие приведенные нами причины мало что значат. Учитывая данный взгляд, я уже давно придерживаюсь мнения, что периодические случаи инцеста отнюдь не являются доказательством универсальной склонности к инцесту, равно как факты убийства не доказывают существования общечеловеческой мании убивать, продуцирующей конфликт. Разумеется, я не стану утверждать, что зародыши всевозможных преступных деяний не присутствуют в каждом из нас. Однако существует огромная разница между наличием подобных зародышей и фактическим конфликтом, который приводит к расщеплению личности, характерному для невроза.

23 Если внимательно проследить историю невроза, мы обязательно обнаружим в ней определенный критический момент, когда возникла некая проблема, от которой больной попытался уклониться. Такая реакция столь же естественна и распространена, как лень, вялость, трусость, тревога, неведение и бессознательность, лежащие в ее основе. Всякий раз, когда ситуация принимает неприятный или опасный оборот, мы начинаем колебаться и по возможности стараемся дистанцироваться от нее. Я считаю эти причины вполне достаточными. Симптоматология инцеста, несомненно существующая и отмеченная Фрейдом, по моему мнению, явление вторичное, уже патологическое.

24 Сновидение часто изобилует якобы нелепыми деталями, из-за чего производит впечатление абсурдности, или же настолько непонятно, что оставляет нас в полном недоумении. Нам всегда приходится преодолевать определенное сопротивление, прежде чем мы сможем всерьез приняться за кропотливый труд по распутыванию его сложных хитросплетений. Когда же наконец нам удастся проникнуть в истинный смысл, мы погружаемся в тайны сновидца и с удивлением обнаруживаем, что казавшееся бессмысленным сновидение в действительности обладает особой значимостью и что в реальности оно повествует исключительно о важных и серьезных вещах. Это открытие внушает несколько большее уважение к так называемому суеверию о значении снов, к которому рационалистическое уmonoстроение нашего времени относится чересчур предвзято.

25 Как утверждает Фрейд, анализ сновидений есть *via regia*²³ к бессознательному. Он напрямую ведет к сокровенным тайнам личности и, следовательно, может стать бесценным инструментом в руках врача и инженера душ человеческих.

26 Аналитический метод вообще, а не только фрейдовский психоанализ, преимущественно состоит из многочисленных анализов сновидений. В ходе лечения сновидения последовательно поднимают на поверхность содержания бессознательного, дабы подвергнуть их дезинфицирующему воздействию дневного света, благодаря чему сновидец вновь обретает много ценного и, казалось бы, утраченного навсегда. Разумно ожидать, что для многих людей, питающих ложные представления о самих себе, лечение обернется настоящей пыткой. В соответствии со старой мистической поговоркой «Отдай и воздастся тебе» их призывают оставить все лелеемые ими иллюзии с тем, чтобы внутри них могло зародиться нечто более глубокое, прекрасное и всеобъемлющее. В процессе лечения на свет вновь выходят старые мудрые истины. Особенно любопытно, что подобная разновидность психического просвещения оказывается необходимой в период расцвета нашей культуры. Во многом ее можно сравнить с сократовским методом, хотя психоанализ, безусловно, проникает гораздо глубже.

27 Сторонники фрейдовского способа исследования стремились доказать, что первостепенную роль в происхождении патогенного конфликта играет эротический, или сексуальный, фактор. Согласно данной теории, склонности сознательного разума находятся в противоречии с аморальными, несовместимыми с ними бессознательными желаниями. Бессознательные желания инфантильны, то есть проистекают из детства и уже не вписываются в настоящее, а потому вытесняются из моральных соображений. Невротик обладает душой ребенка, которому нелегко мириться с произвольными ограничениями, смысла которых он не понимает; он стремится усвоить эту мораль, но оказывается в разладе с самим собой: одна его часть хочет подавить, другая – обрести свободу; именно эта борьба и происходит под названием невроза. Будь этот конфликт осознанным во всех его аспектах, он, вероятно, никогда бы не породил невротические симптомы; последние проявляются лишь в том случае, когда мы оказываемся неспособны увидеть другую сторону своей природы и насущность ее проблем. Только при этих обстоятельствах возникает симптом, дающий выражение непризнанной части нашей психики. Таким образом, симптом, по мнению Фрейда, есть осуществление непризнанных желаний,

²³ [Букв. «царская дорога» (лат.).]

которые, будучи осознанными, вступают в жесточайший конфликт с моральными убеждениями. Как уже было отмечено выше, эта теневая сторона психики недоступна сознательному анализу со стороны больного. Он не может ни исправить ее, ни примириться с ней, ни игнорировать ее, ибо в действительности он вообще не «обладает» бессознательными побуждениями. Будучи вытесненными из иерархии сознательной психики, они стали автономными комплексами. Вернуть их под контроль сознания вопреки всякому сопротивлению и есть главная задача анализа. Многие пациенты хвастаются, будто теневой стороны для них не существует; они уверяют нас, что не страдают внутренним конфликтом; однако они не замечают, что на их пути стоят другие явления неизвестного происхождения: истерические припадки, нервный катар желудка, боли в различных частях тела, беспричинная раздражительность и целое множество прочих нервных симптомов.

28 Фрейдовский психоанализ упрекали в высвобождении вытесненных (к счастью) животных инстинктов и тем самым причинении человеку непомерного вреда. Подобные опасения показывают, как мало мы верим в действенность наших моральных принципов. Люди делают вид, будто лишь мораль, проповедуемая с амвона, удерживает человека от необузданной распущенности; однако куда более эффективным регулятором является необходимость, устанавливающая гораздо более реальные и убедительные границы, чем любые моральные предписания. Разумеется, психоанализ переводит животные инстинкты в сферу сознания, однако он делает это не с целью предоставить им безграничную свободу, как полагают некоторые, а с целью их интегрирования в значимое целое. При любых обстоятельствах всецело владеть собственной личностью – это преимущество; в противном случае вытесненные элементы неизбежно проявятся снова, причем именно там, где мы уязвимы больше всего. Если людей можно научить отчетливо видеть теневую сторону их природы, стоит надеяться, что вместе с этим они научатся лучше понимать и любить своих близких. Немного меньше лицемерия и больше знаний о себе пойдут окружающим только на пользу: слишком легко мы переносим на них несправедливость и насилие, которые чиним над собственной природой.

29 На первый взгляд фрейдовская теория вытеснения действительно предполагает, что только гипернравственные люди способны подавлять свою аморальную, инстинктивную природу. Соответственно, безнравственный человек, руководствующийся в жизни исключительно инстинктом, должен быть неподвержен неврозу. Опыт показывает, что это, разумеется, не так. Такой человек может страдать неврозом, как и все остальные. Подвергнув его анализу, мы обнаружим, что в вытесненном состоянии у него пребывает не инстинктивная, а, наоборот, моральная составляющая. В этом отношении невротичный аморалист подобен, как метко выразился Ницше, «бледному преступнику», который живет в разладе с самим собой.

30 Конечно, можно принять точку зрения, согласно которой вытесненные остатки порядочности в этом случае являются лишь традиционным пережитком младенчества, который налагает на инстинктивную природу ненужные оковы и, следовательно, должен быть искоренен. Тем не менее принцип *écrasez l'infâme*²⁴ неизбежно приведет к теории абсолютного либертинизма. Естественно, это было бы весьма фантастично и абсурдно. Никогда нельзя забывать – и об этом следует напомнить представителям фрейдовской школы, – что мораль не была ниспослана свыше в виде синайских скрижалей и навязана людям; мораль – это функция человеческой души, которая так же стара, как и само человечество. Мораль не навязана извне; мы несем ее в себе с самого начала – не закон, но нравственную природу, без которой коллективная жизнь человеческого общества невозможна. Именно поэтому мораль обнаруживается на всех уровнях социума. Она – инстинктивный регулятор поведения, который также управляет коллективной жизнью стада. Моральные законы, однако, имеют силу лишь внутри небольшой группы. За ее пределами их действие прекращается. Там действует иной, куда более древний

²⁴ [Здесь: «раздавите гадину» (фр.).]

закон: *Homo homini lupus*. С развитием цивилизации одних и тех же нравственных норм стали придерживаться более крупные группы людей. Тем не менее за пределами социальных границ, т. е. в свободном пространстве между взаимно независимыми обществами, никакого общего морального кодекса пока не существует. Здесь правят беззаконие, распушенность и безнравственность – хотя, конечно, только враг осмелится сказать об этом вслух.

31 Представители фрейдистской школы настолько убеждены в основополагающей, даже исключительной роли сексуальности в неврозе, что сделали логический вывод и храбро атаковали сексуальную мораль наших дней. Это было, без сомнения, полезно и необходимо: в данной области господствовали и продолжают господствовать идеи, которые, ввиду крайне сложного и запутанного положения дел, носят чересчур недифференцированный характер. Как в раннем Средневековье к финансовой сфере относились с презрением, ибо отсутствовала дифференцированная финансовая мораль, а была лишь мораль массовая, так и сегодня существует лишь общая сексуальная мораль. Девушку с незаконнорожденным ребенком порицают, и никто не спрашивает о том, порядочный она человек или нет. Любая не санкционированная законом форма любви считается аморальной, будь то между достойными людьми или подлецами. Мы по-прежнему настолько загипнотизированы тем, *что* происходит, что забываем о том, *как* и *с кем* это происходит, подобно тому как в Средневековье деньги были не чем иным, как сверкающим золотом, вожделенным и, следовательно, дьявольским.

32 Однако не все так просто. Эрос – фигура сомнительная и всегда останется таковой, что бы ни думали по этому поводу законодатели будущего. С одной стороны, он принадлежит к изначально животной природе человека, которая будет сохраняться до тех пор, пока человек обладает животным телом. С другой стороны, он связан с высшими формами духа, а потому процветает лишь тогда, когда дух и инстинкт пребывают в гармонии. Недостаток одного или другого аспекта приводит к увечью или, по крайней мере, к односторонности, которая легко переходит в патологию. Избыток животного начала искажает цивилизованного человека; избыток цивилизации порождает больных животных. Данная дилемма обнажает безграничную неопределенность, которую Эрос припас для человека. В сущности, Эрос есть сверхчеловеческая сила, которую, как и саму природу, можно подчинить и использовать. Однако триумф над природой дорого обходится. Природа не требует никаких объяснений; она просит лишь о бережном и разумном отношении к себе.

33 «Эрос – великий демон», – говорит Сократу мудрая Диотима. Нам никогда не удастся победить его, а если удастся, то это будет лишь во вред. Эрос не вся наша внутренняя природа, но один из ее важнейших аспектов. Таким образом, сексуальная теория невроза, предложенная Фрейдом, построена на верном принципе. Главный недостаток ее состоит в односторонности и ограниченности; кроме того, она весьма опрометчиво пытается ухватить неуловимый Эрос с помощью грубой сексуальной терминологии. В этом отношении Фрейд является типичным представителем материалистической эпохи²⁵, мечтающим решить загадку мироздания в пробирке. С годами Фрейд и сам признал этот недостаток равновесия в своей теории и противопоставил Эросу, который он называл либидо, инстинкт разрушения или смерти²⁶. В одной из работ Фрейда, опубликованных уже после его смерти, сказано:

«После долгих сомнений и колебаний мы решили принять существование лишь двух базовых инстинктов: *Эроса* и *инстинкта разрушения*... Цель первого из этих основных инстинктов – формирование и сохранение все возрастающих единств, т. е. объединение; цель

²⁵ Ср. «Зигмунд Фрейд как культурно-историческое явление».

²⁶ Первоначально эта идея исходила от моей ученицы Сабины Шпильрейн: ср. «Die Destruktion als Ursache des Werdens» (1912). Данная работа упомянута и у Фрейда, который вводит инстинкт разрушения в своем труде «По ту сторону принципа удовольствия» (ориг. 1920), гл. V. [Более полно понятие раскрыто в гл. VI, содержащей ссылки на статью Шпильрейн. – Примеч. ред.]

второго – напротив, разрыв связей и, следовательно, разрушение... Посему мы называем его также *инстинктом смерти*»²⁷.

34 Я вынужден ограничиться этим беглым упоминанием, не вдаваясь в сомнительную природу данного понятия. Очевидно, что жизнь, как и любой процесс, имеет начало и конец и что всякое начало есть также начало конца. Судя по всему, в данном случае Фрейд имеет в виду, что каждый процесс – явление энергетическое и что всякая энергия может возникать лишь из напряжения противоположностей.

²⁷ S. Freud, *Abriß der Psychoanalyse*, Kap. 2, p. 70f. Schriften aus dem Nachlaß. London 1941.

III. Другая точка зрения: воля к власти

35 До сих пор мы рассматривали проблему этой новой психологии преимущественно с точки зрения Фрейда. Несомненно, он показал нам нечто истинное, нечто в высшей степени реальное, чему наша гордость, наше цивилизованное сознание может сказать «нет», хотя что-то другое в нас говорит «да». Многие люди находят данный факт крайне раздражающим; он вызывает у них враждебность или даже страх; как следствие, они не желают признавать конфликт. В самом деле, мысль, что человек обладает теневой стороной, которая состоит не просто из маленьких слабостей и причуд, а из демонического динамизма, пугает. Индивид редко это осознает; ему, как индивиду, кажется невероятным, чтобы он при любых обстоятельствах мог выйти за пределы себя. Но стоит этим безобидным существам сбиться в толпу, как рождается испуганное чудовище; каждый есть лишь крошечная клеточка в теле этого чудовища, а значит, ему приходится сопровождать сего зверя в его кровавых бесчинствах, а то и оказывать ему всяческую помощь. Смутно подозревая об этих мрачных возможностях, человек закрывает глаза на теневую сторону человеческой природы. Он слепо борется против целительной догмы о первородном грехе, хотя она поразительно правдива. Более того, он даже не решается признать конфликт, который столь мучительно ощущает. Неудивительно, что психологическая школа, акцентирующая нашу темную сторону – даже если она предвзята в том или ином отношении – будет неудобной, если не сказать пугающей, ибо она заставляет нас открыто взглянуть в бездонную пропасть данной проблемы. Смутное предчувствие подсказывает нам, что без этой отрицательной стороны мы не можем достичь цельности, что мы обладаем телом, которое, как и все тела, отбрасывает тень, и что если мы отрицаем это тело, то утрачиваем трехмерность и становимся плоскими, нематериальными. Однако это тело – зверь со звериной душой, организм, беспрекословно подчиняющийся инстинкту. Объединиться с этой тенью – значит сказать «да» инстинкту, тому непреодолимому динамизму, который вечно таится на заднем плане. Именно от этого стремится нас спасти аскетическая мораль христианства, рискуя, однако, дезорганизовать животную природу человека на самом глубинном уровне.

36 Прояснил ли кто-либо для себя, каково сказать «да» инстинкту? Именно это желал и проповедовал Ницше, причем со всей свойственной ему серьезностью. С необычайной страстью он принес в жертву себя, всю свою жизнь идее Сверхчеловека, который, подчиняясь инстинкту, выходит за пределы себя. И как же прошла эта жизнь? Так, как сам Ницше пророчил в «Заратустре», в том фатальном падении канатного плясуна, «человека», который не желал быть «превзойденным». Заратустра говорит умирающему канатоходцу: «Твоя душа умрет еще скорее, чем твое тело!» Позже карлик скажет Заратустре: «О Заратустра, ты камень мудрости, ты камень, пущенный пращой, ты сокрушитель звезд! Как высоко вознесся ты, но каждый брошенный камень должен упасть! Приговоренный к самому себе и к побиению себя камнями: о Заратустра, как далеко бросил ты камень, но на тебя упадет он!» Когда же прокричал он над собой свое «*Ecce homo!*»²⁸, было уже слишком поздно, как и тогда, когда это выражение произнесли впервые, и распятие души началось еще до того, как умерло тело.

37 Необходимо в высшей степени критически взглянуть на жизнь того, кто учил говорить «да», дабы оценить влияние этого учения на собственную жизнь учителя. Рассматривая жизнь Ницше с данной точки зрения, нельзя не признать, что он жил по ту сторону инстинкта, в недостижимых высях героического величия. Эту возвышенность он поддерживал благодаря строжайшей диете, тщательно выбранному климату и большому количеству снотворного – до тех пор, пока напряжение не разрушило его мозг. Он призывал говорить «да», но сам говорил «нет». Его отвращение к людям, к человеческому животному, который живет инстинктом,

²⁸ [Букв. «Вот человек!» (лат.).]

было слишком велико. Вопреки всему, он так и не смог проглотить жабу, которую часто видел во сне. Рычание льва Заратустры загнало обратно в пещеру бессознательного всех «высших» людей, которые требовали жить. Посему его жизнь не убеждает нас в его учении. Ибо «высший» человек хочет засыпать без хлорала, жить в Наумбурге и в Базеле, несмотря на «туманы и тени». Он хочет иметь жену и потомство, пользоваться особым положением и уважением среди стада, он жаждет бесчисленного множества самых обыкновенных вещей. Ницше не следовал этому инстинкту, не питал животное стремление к жизни. Несмотря на все свое величие и важность, Ницше был патологической личностью.

38 Но чем же он жил, если не инстинктом? Можно ли действительно обвинить Ницше в том, что на практике он отрицал свои инстинкты? Едва ли он согласился бы с этим. Более того, он мог бы без труда показать, что жил инстинктивной жизнью в самом высоком смысле. Но как это возможно, удивленно спросим мы, чтобы инстинктивная природа привела человека к отрыву от ему подобных, к абсолютной изоляции от всего человечества, к отчужденности от стада, поддерживаемой отвращением? Мы привыкли считать, что инстинкт объединяет человека, побуждает его совокупляться и рожать детей, стремиться к наслаждению и благополучию, удовлетворению всех чувственных желаний. Мы забываем, что это лишь одно из возможных направлений инстинкта. Существует не только инстинкт сохранения вида, но и инстинкт самосохранения.

39 Именно об этом последнем инстинкте, воле к власти, очевидно и говорит Ницше. Все остальные инстинкты, с его точки зрения, вторичны. С позиций сексуальной психологии Фрейда это вопиющая ошибка, ложная трактовка биологии, заблуждение декадента-невротика. Ибо любой сторонник сексуальной психологии легко может доказать, что все возвышенное и героическое в ницшевских взглядах на жизнь и мир не более чем следствие вытеснения и неверного понимания «инстинкта», который *эта* психология признает фундаментальным.

40 Случай Ницше показывает, с одной стороны, последствия невротической односторонности, а с другой – те опасности, которые влечет за собой выход за рамки христианства. Ницше, без сомнения, остро чувствовал христианское отрицание животной натуры, а потому искал более высокую человеческую цельность за гранью добра и зла. Но тот, кто всерьез критикует базовые установки христианства, лишается и защиты, которую они ему даруют. Он неизбежно и всецело отдается во власть животной психики. Это момент дионисийского буйства, всепоглощающей манифестации «белокурой бестии»²⁹, которая рождает в ничего не подозревающей душе невыразимый трепет. Он превращается в героя или богоподобное существо, в сверхчеловеческую сущность. Он по праву ощущает себя «по ту сторону добра и зла».

41 Наблюдателю-психологу это состояние известно под названием «идентификация с тенью» – явление, которое с завидной регулярностью возникает в подобные моменты столкновения с бессознательным. Единственное, что может здесь помочь, – осторожная самокритика. Во-первых, крайне маловероятно, чтобы некая поразительная истина была открыта только что, ибо подобные вещи случаются во всемирной истории очень редко. Во-вторых, необходимо тщательно исследовать, не произошло ли нечто подобное в другом месте. Например, Ницше как филолог мог бы привести некоторые четкие классические параллели, которые наверняка бы успокоили его разум. В-третьих, следует учитывать, что дионисийский опыт может быть не чем иным, как возвратом к языческой форме религии; в этом случае ни о каких новых открытиях не может быть и речи – история просто повторяется сначала. В-четвертых, нельзя не предвидеть того, что за радостным взлетом духа к героическим и богоподобным высям неизбежно последует равно глубокое падение в бездну. Такие рассуждения – выгодная позиция: приняв ее, мы можем свести всю эту фантазмагорию к масштабам отчасти утомительного восхождения в горы, которое сменяется рутинной повседневностью. Подобно тому как всякий ручей ищет

²⁹ [Cp: Jung C. Über das Unbewußte. 1918, абз. 17. – Примеч. ред.]

долину и широкую реку, несущую свои воды в низины, жизнь не только протекает в рутине, но и превращает в нее все остальное. Необычное, если оно не заканчивается катастрофой, может проскользнуть в нашу жизнь, но это происходит не часто. Если героизм становится хроническим, он заканчивается спазмом, а спазм ведет к катастрофе, к неврозу или к тому и другому одновременно. Ницше застрял в состоянии высокого напряжения. Однако в этом экстазе он мог бы с равным успехом существовать и под сенью христианства. Разумеется, это отнюдь не отвечает на вопрос о животной психике, ибо экстатическое животное – это чудовище. Животное исполняет закон своей собственной жизни, не больше и не меньше. Мы можем назвать его послушным и «хорошим». Экстатическое животное, напротив, обходит этот закон и ведет себя, с точки зрения природы, неуместно. Данная неуместность есть исключительная привилегия человека, чье сознание и свободная воля могут периодически *contra naturam*³⁰ отрываться от своих корней в животной природе. Такова непереносимая основа всякой культуры, которая, тем не менее, в своей гипертрофированной форме ведет к духовной болезни. Человек может вынести лишь определенное количество культуры без вреда для себя. Бесконечная дилемма культуры и природы – это всегда вопрос слишком многого или слишком малого, а не либо того, либо другого.

42 Случай Ницше ставит перед нами следующий вопрос: что открыло ему столкновение с тенью, а именно с волей к власти? Следует ли рассматривать ее как нечто фальшивое, как симптом вытеснения? Воля к власти подлинна или вторична? Если бы конфликт с тенью вызвал поток сексуальных фантазий, то все было бы ясно; однако случилось иначе. «*Kern des Pudels*»³¹ была не в Эросе, а во власти эго. Отсюда вытекает следующий вывод: то, что было вытеснено, не Эрос, а воля к власти. На мой взгляд, нет никаких оснований полагать, что Эрос является подлинным, а воля к власти – фиктивной. Определенно, воля к власти – такой же великий демон, что и Эрос; она так же стара и первична.

43 Жизнь, подобную жизни Ницше, прожитую до своего фатального конца в согласии с инстинктом власти, нельзя считать просто фальшивкой. В противном случае нас можно было бы обвинить в том же несправедливом приговоре, который Ницше вынес своему антиподу Вагнеру: «Все в нем фальшиво. То же, что подлинно, скрыто или приукрашено. Он – актер во всех, хороших и плохих, смыслах этого слова». Откуда такое предубеждение? Вагнер воплощает собой другой фундаментальный импульс, который не заметил Ницше и на котором построена вся психология Фрейда. Если мы спросим, знал ли Фрейд об этом другом инстинкте, стремлении к власти, то обнаружим, что он рассматривал его под названием «эго-инстинкта». Однако эти эго-инстинкты занимают в его психологии весьма скромный уголок по сравнению с широко – даже слишком широко – представленным сексуальным фактором. В действительности человеческая природа несет бремя ужасного и бесконечного конфликта между принципом эго и принципом инстинкта: хотя эго – это сплошные барьеры и ограничения, а инстинкт безграничен, оба принципа одинаково сильны. В определенном смысле человеку повезло, что ему «знакомо лишь одно стремление»; следовательно, с его стороны в высшей степени разумно всячески избегать осознания другого. Ежели такое все-таки произойдет, он пропал: он вступает в фаустовский конфликт. В первой части «Фауста» Гете показал нам, что значит принять инстинкт, а во второй части – что значит принять эго с его странным бессознательным миром. Все незначительное, мелочное и трусливое в нас ежится и отступает перед этим. И для этого есть веские основания: мы вдруг обнаруживаем, что этот «другой» в нас – еще один реальный человек, который мыслит, делает, чувствует и желает все то, что презренно и омерзительно. В этом смысле мы можем схватить этот призрак и, к своему удовлетворению, объявить ему войну. Отсюда вытекают те хронические идиосинкразии, примеры которых сохранила исто-

³⁰ [Букв. «вопреки природе» (лат.).]

³¹ [Букв. «загвоздка» (нем.).]

рия нравов. Наиболее очевидный пример приведен выше – «Ницше против Вагнера, против Павла» и т. д. Однако даже повседневная жизнь пестрит аналогичными случаями. Благодаря этому хитроумному приему человек может спастись от фаустовской катастрофы, перед лицом которой смелость и сила могут оставить его. Цельный человек, однако, знает, что его злейший враг, даже целое полчище врагов не сравнятся с его худшим противником, «другой самостью», которая живет в его груди. Ницше носил Вагнера *внутри*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.